

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.6

Закодированные дискурсы власти (в сновидениях её носителей)

© Е. А. Дегальцева

*Бийский технологический институт АлтГТУ
Россия, 659305 г. Бийск, ул. Трофимова, 27.*

Тел.: +7 (3854) 43 53 00.

Email: katerina3310@yandex.ru

Статья посвящена неформальным аспектам политической власти, в ней рассмотрена природа власти на основе анализа сновидений её носителей: российских государственных деятелей XIX – начала XX вв. Актуальность темы обусловлена динамичностью современной политической культуры, невозможностью выявить формальные источники легитимности власти. Полученные результаты указывают на мифологизацию и мистификацию власти. Компонентами рассмотренных в исторической ретроспективе дискурсов являлись унаследованные от прошлого сакральные образы власти, от которых не могли избавиться и сами её носители.

Ключевые слова: *политическая власть, сновидение, образ власти, бессознательное, дискурс, мифологизация, символ.*

Природа власти не имеет очерченных исследовательских границ. Роль самых разных характеристик (формальных, динамических, мистических) власти в социокультурном и политическом пространстве рассмотрена К. М. Ульяновским [1], А. М. Конопкиным [2] и др.

В. В. Ильиным при исследовании специфики научного познания, сценографии мира дано теоретическое осмысление символических форм при конструировании реальности, возможностей ассоциативного сознания [3]. Однако изучение её новых граней имеет не только методологический, но и практический интерес.

Империя чувств в исследованиях повседневности стала изучаться сравнительно недавно и имеет ограниченную топографию. Территория политики в этом смысле остаётся почти неизведанным полем. Пересечение традиций и культурных потоков в России особенно отчётливо видны на характере как истории повседневной жизни, так и современной археологии «политического быта». Вообще политика и повседневность на первый взгляд кажутся непересекающимися векторами нашей жизни, однако российская специфика сделала их одинаково направленными, всепроникающими.

Подобные исследования предполагают использование интегративного метода познания человека в историческом контексте (Ф. Бродель). Применение данного метода обусловлено тем, что повседневность, обыденность в России является для людей главной сферой при отсутствии активного участия («выключенности») в других сферах – общественно-политической, гражданской. Поэтому особенно важно *understanding past understanding* (понимание прошлого понимания).

Сексуальный, антропологический, культурологический, мифологический и другие аспекты сновидений давно привлекли внимание учёных, символический, феноменологический и метафорический подходы к сновидениям используют в своих работах Д. Г. Трунов [4],

О. В. Тимофеева [5], А. В. Марков [6], Е. В. Пчелов [7], однако историко-кратологический аспект пока остался вне отечественного исследовательского поля. В зарубежной историографии такие работы появились с середины 1990-х гг. Интересным показалось исследование Ирины Паперно «Сны террора (сон как источник для истории сталинизма)» [8]. На основании теории Питера Бёрка [9] она, опираясь на сны жертв режима, отложенные в дневниках, проанализировала историческое сознание советского человека.

Сновидение – это своеобразный строй переживаний и событий, специфический тип восприятия реальности, в том числе и повседневной. Как писал З. Фрейд, «нужно на вопрос о побудителях сновидения и о связи последнего с повседневной жизнью ответить следующим образом: сновидение никогда не интересуется тем, что не могло бы привлечь нашего внимания днем, и мелочи, не волнующие нас днем, не в состоянии преследовать нас и во сне» [10]. Долгое время люди не затруднялись объяснениями сновидений и в различных областях науки (за исключением психоанализа) снам не уделялось должного внимания. Однако символика, поэтика и эмблематика сновидений отражает наиболее архаические черты любой культуры и тем более интересной будет расшифровка снов наиболее закрытой части общества – политической элиты. Большую сложность в данном вопросе представляет скудость источников, – немногие сильные мира сего могли откровенно признаться, используя мемуарный жанр, в своих ночных грёзах. Тем не менее некоторые подробности о символах власти, зашифрованной в снах, мы обнаруживаем в воспоминаниях и мемуарах, например, П. П. Баснина о М. М. Сперанском [11], Ф. Юсупова [12], великого князя Константина Николаевича [13] и других.

Мифологизация, мистификация власти глубоко укоренена в нашей культуре: в русских народных сказках часто именно во сне приходило мудрое решение выхода из неразрешимой казалась бы ситуации, которое и приводило главного героя на трон, делало властителем, государем.

В упоминаемых источниках, появившихся в конце XIX – начале XX в., мы видим элементы сакрализации власти, наличие самой разной символики, подчеркивающей её божественный характер. Наряду с другими символами власти (Римский Колизей, Капитолий с крестом, высокие башни, величественные статуи, небо) постоянно фигурировала и Луна. В мифологии именно Луна чаще всего предстаёт как всевидящее божье око, внимательно наблюдающее за всем происходящим на земле во мраке ночи.

О сне, как о видении или забытии пишут в мемуарах Феликс Юсупов, великий князь Константин Николаевич. Смысловые границы сновидений в их историях пролегают между сознательным и бессознательным. Мотив такого лёгкого сна, например, у Константина Николаевича связан с римскими символами власти, величественными и вневременными.

В воспоминаниях, приводимых П. Басниным, точно передан рассказ М. М. Сперанского об увиденном им сне в период государственной службы в Сибири, который необходимо привести целиком. «Вижу я, что в мой кабинет вошёл какой-то высокий человек, с длинной, седой бородой и с открытым лбом, как у государя (Александра Павловича). Я обернулся и спросил, будто бы, вошедшего, кто он и что ему нужно. Но высокий человек ничего не отвечал, а только пристально смотрел на меня ясными, голубыми глазами. Смутился я, и в сердце моё закрался страх. Вдруг старик поманил меня к себе, и я почувствовал, что ноги мои отделяются от земли, и я лечу неведомо куда. Передо мной равнина, покрытая блестящим снегом, и по ней нескончаемой вереницей тянутся люди. – Куда идёте вы? – спрашиваю я идущих; они молчат и всё продолжают идти. Опять сделалось мне страшно, – страшно за людей; погибнут все; кругом снежная пустыня, и нигде не видно человеческого жилья. Мне захотелось спасти

их, указать им грозящую опасность, предупредить и вернуть назад. Но я не мог сказать ни одного слова и только смотрел, как вдали исчезали толпы за толпами, как на смену скрывшихся являлись всё новые люди, которые всё шли и шли... Скрылась и равнина, и я увидел большой город. В этом городе не было живых людей, а всюду лежали трупы и скелеты. Это был город мёртвых. Я почувствовал, как моё сердце усиленно стало биться, а потом замерло, и я стал умирать. И вижу я, что ко мне склонился высокий старик, который прошептал только одно слово: «возроди» [11, с. 153]. Как указывает мемуарист, Сперанский проснулся, долго размышлял над странным сном, а затем ещё не раз давал ему мистические и метафорические комментарии. Чиновник искренне верил, что этот сон предвещал ему «большие невзгоды и огорчения» [11, с. 154].

С точки зрения психоанализа данное сновидение заменило/сублимировало ряд мыслей, которые протекали из «дневной» деятельности. Они логично связаны друг с другом. В мыслях, которые скрываются за этим сном, можно обнаружить неуверенность, опасность, разочарование. Мысли, мучившие Сперанского днём и не находившие стройного выражения, доходят до сознания именно во время сна. «Целесообразный ход мыслей способен при известных условиях привлекать к себе внимание сознания, через посредство его он получает тогда «перевод» [14].

Высокая интенсивность представлений М. М. Сперанского, таким образом, была связана со сложными психическими процессами в его сознании, попытками осмыслить своё предназначение. Как утверждает З. Фрейд, после неоднократного повторения этого процесса сознание может сконцентрироваться на одном представлении, что и есть процесс компрессии, или сгущения, который даёт себе выход в столь эмоциональных сновидениях. Эта компрессия-то по Фрейду и повинна в «том странном впечатлении, которое оказывает сновидение» [14].

Символика «праха» – пустынная равнина, трупы и скелеты – подводит к мысли об угнетённом состоянии, понимании невозможности совершить задуманное в «диком краю» и «возродить» его, как советует старик из сна, опасности клеветы и ответственность за судьбы вверенных ему людей. «Сибирь – это не место для жизни», – писал в начале своей сибирской карьеры Сперанский [15] и в его сне город мёртвых – это аллегория Сибири, которая представлялась ему суровым краем ссыльных, который впоследствии он, однако, полюбил и покидал с тяжёлым чувством [11, с. 172]. Все его старания здесь действительно оказались преждевременными и неостребованными местным обществом. После его отъезда многие учреждения развалились, а некоторые учебные заведения закрылись [16].

Даже сама стилистика сновидения Сперанского была связана с управлением людьми и путеводной монаршей властью – всезнающей, спасающей и направляющей. Миф о добром царе отложился в подсознании и вылился в образ старца в сновидении. Субстанция власти отразилась в просторах, полете над городом, толпах людей, которых так трудно спасти и осчастливить. Полунамеки и недосказанность в отношении с властью предрержащими привела во сне к угадыванию высочайшей воли. Слабый механизм консенсуса в реальности во сне преобразуется в некое единение, связанное с пониманием монаршей воли. Дотянуться до чистой незамутнённой воли царя – это видимо было подсознательным желанием незаслуженно обиженного Сперанского. Таким образом, рассмотренный сон стал как бы перевёрнутой реальностью, выходом желаний, переживаний и нереализованных возможностей.

Трудно переоценить значение мистики сновидений для российской политической культуры, как в прошлом, так и сегодня. С одной стороны, это объясняется сложившимся патер-

налистски-божественным образом власти, а с другой, неизменным национальным разочарованием реформами и начинаниями как со стороны самой власти, так и со стороны различных слоев населения.

Итак, компонентами рассматриваемых нами дискурсов в исторической ретроспективе являлись унаследованные от прошлого сакральные образы власти. От них, разумеется, не могли избавиться и сами её носители. Однако накануне краха системы в начале XX в. эти сакральные образы власти уже утрачивают свою актуальность и силу, а также свою связь с реальными носителями власти. Эти образы зачастую меняются на противоположные, затем те и другие превращаются в симулякры, обменивающиеся друг на друга «по структурному закону ценности» [17, с. 111] и становятся элементами политических мифов. Как точно уловил В. С. Соловьев: «Какой тяжелый сон! В толпе немых видений, Теснящихся и реющих кругом, Напрасно я ищу той благодатной тени, Что тронула меня своим крылом» [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ульяновченко К. М. Динамические характеристики власти как политического процесса // *Власть*. 2014. №7. С. 73–76.
2. Конопкин А. М. Сакральная «теневая власть» как инструмент легитимации в первобытных обществах // *Власть*. 2014. №7. С. 125–130.
3. Ильин В. В. Символическое конструирование реальности: сценография мира // *Российский гуманитарный журнал*. 2013. Т. 2. №6. С. 531–551.
4. Трунов Д. Г. Феноменологический подход к толкованию сновидений (2008). URL: <http://trunoff.hotmail.ru/archiv/p079.htm>
5. Тимофеева О. В. «Фальшивый сон»: Структура эротической прозы Ж. Батая // *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 5. РГГУ. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2008. С. 197–205.
6. Марков А. В. Изобразимое в сновидении (2005). URL: <http://kogni.narod.ru/markov1.htm>
7. Пчелов Е. В. Символы и образы сна и бодрствования в русской культуре Нового времени: визуальный аспект (некоторые заметки) // *Русская Антропологическая школа. Труды*. Вып. 5. РГГУ. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2008. С. 239–252.
8. Паперно И. Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // *НЛО*. 2012. №116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html>
9. Burke P. *The Cultural History of Dreams. Varieties of Cultural History*. Cambridge, 1997. P. 23–42.
10. Фрейд З. *О сновидении*. Гл. V. URL: <http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000013/index.shtml>
11. Баснин П. П. Воспоминания о Сперанском // *Исторический вестник*. 1903. №1. С. 152–173.
12. *Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах*. М.: Захаров, 2014. 432 с.
13. *Дневник вел. кн. Константина Николаевича* // *Вопросы истории*. 1990. №5. С. 107–129; №8. С. 109–130; №12. С. 105–120.
14. Фрейд З. *Толкование сновидений*. Киев, 1991.
15. Сперанский М. М. Письма к дочери // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1869. Стб. 1684.
16. Ядринцев Н. М. Потребность знания на Востоке // *Дело*. 1875. №10. Отд. II. С. 33–39.
17. Фишман Л. Политическое в фантастике // *Свободная мысль*. 2007. №6. С. 107–120.
18. Соловьев В. С. *Избранное. Библиотека поэзии*. СПб: Диамант, 1998.

Поступила в редакцию 12.10.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.6

The Authority's Coded Discourse (In the Dreams of its Carriers)

© E. A. Degaltseva

*Biysk Technological Institute AltSTU
27 Trofimova St., 659305 Biysk, Russia.*

Phone: +7 (3854) 43 53 00.

Email: katerina3310@yandex.ru

The article is devoted to the formal aspects of the political power. It examines the nature of power on the basis of the analysis of dreams of her media: Russian statesmen of XIXth and early XXth centuries. The relevance of the topic due to the dynamism of a modern political culture, the inability to identify formal sources of legitimacy of authority. The results indicate the mythologization and mystification of power. Components reviewed in historical Retrospect discourses were inherited from the past sacred images of power, which could not rid ourselves of its carriers.

Keywords: *political power, dream, the image of authority, unconscious, discourse, mythologization, symbol.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Degaltseva E. A. The Authority's Coded Discourse (In the Dreams of its Carriers) // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 6. Pp. 480–484.

REFERENCES

1. Ul'yanchenko K. M. *Vlast'*. 2014. No. 7. Pp. 73–76.
2. Konopkin A. M. *Vlast'*. 2014. No. 7. Pp. 125–130.
3. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 6. Pp. 531–551.
4. Trunov D. G. Fenomenologicheskii podkhod k tolkovaniyu snovidenii (2008). URL: <http://trunoff.hotmail.ru/archiv/p079.htm>
5. Timofeeva O. V. *Russkaya antropologicheskaya shkola*. Trudy. No. 5. RGGU. Moscow: Rossiisk. gos. gumanitar. un-t, 2008. Pp. 197–205.
6. Markov A. V. Izobrazimoe v snovidenii (2005). URL: <http://kogni.narod.ru/markov1.htm>
7. Pchelov E. V. *Russkaya Antropologicheskaya shkola*. Trudy. No. 5. RGGU. Moscow: Rossiisk. gos. gumanitar. un-t, 2008. Pp. 239–252.
8. Paperno I. *NLO*. 2012. No. 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html>
9. Burke P. *The Cultural History of Dreams. Varieties of Cultural History*. Cambridge, 1997. Pp. 23–42.
10. Freid Z. *O snovidenii*. Gl. V. URL: <http://psychologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000013/index.shtml>
11. Basnin P. P. *Istoricheskii vestnik*. 1903. No. 1. Pp. 152–173.
12. *Knyaz' Feliks Yusupov. Memuary v dvukh knigakh [Count Felix Yusupov. Memoirs in 2 Volumes]*. Moscow: Zakharov, 2014.
13. Dnevnik vel. kn. Konstantina Nikolaevicha. *Voprosy istorii*. 1990. No. 5. Pp. 107-129; No. 8. Pp. 109-130; No. 12. Pp. 105–120.
14. Freid Z. *Tolkovanie snovidenii [The Interpretation of Dreams]*. Kiev, 1991.
15. Speranskii M. M. *Pis'ma k docheri Russkii arkhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik*. Moscow: Tip. V. Gracheva i Ko, 1869. Stb. 1684.
16. Yadrintsev N. M. *Delo*. 1875. No. 10. Otd. II. Pp. 33–39.
17. Fishman L. *Svobodnaya mysl'*. 2007. No. 6. Pp. 107–120.
18. Solov'ev V. S. *Izbrannoe. Biblioteka poezii [Selected Works Library of Poetry]*. Saint Petersburg: Diamant, 1998.

Received 12.10.2014.